

УДК 372.881.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ: К ОБОСНОВАНИЮ ПОНЯТИЯ

Савицкий В.М.

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67, Российская Федерация*

Аннотация. В статье доказывается целесообразность введения понятия «лингвокультурный код» наряду с понятиями «культурный код» и «вербальный код». Код трактуется как знаковая система, выступающая в функциях генератора текстов и регенератора смыслов. Лингвокультурный код толкуется как вербальное воплощение культурного кода, возникшее в результате экспансии культурных кодов в словесный язык. Демонстрируется взаимодействие вербальных и культурных кодов при порождении текстов.

Ключевые слова: код, семиотика, образ, культура, символ.

THE CONCEPT OF LINGUOCULTURAL CODES: A RATIONALE THE THEORETICAL SUBSTANTIATION OF THE CONCEPT OF LINGUOCULTURAL CODES

V. Savitsky

*Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities
443099, Samara, Maxim Gorki str, 65/67, Russian Federation*

Abstract. The article contains argumentation in favour of the view that introducing the concept of linguocultural code alongside with those of cultural code and verbal code is expedient and necessary for research purposes. A code is regarded as a sign system performing the functions of text generator and sense regenerator. A linguocultural code is treated as a verbal manifestation of a cultural code arising from expansion of cultural codes into natural language. Examples are given to illustrate interaction of verbal and cultural codes in the process of text generation.

Key words: code, semiotic, image, culture, symbol.

Мы поставили цель обосновать конструктивность использования понятия «лингвокультурный код» в исследованиях на стыке лингвистики и семиологии. Начнем с истолкования исходных понятий.

Как известно, знак представляет собой двухъярусную конструкцию – единство плана выражения и плана содержания. По Л. Ельмслеву, множество знаков, имеющих буквальные значения, образует первичную (денотативную) семиотику. Но над двумя упомянутыми ярусами иногда возникает третий. Существуют знаки, у которых планом выражения служат знаки денотативной семиотики. В совокупности они составляют вторичную (коннотативную) семиотику – знаковую систему, настроенную над первичной (денотативной) [5, с. 230-236].

В качестве примера приведем русский студенческий жаргонизм *хвост*: его план содержания (коннотативное означаемое) – это переносное значение «академическая задолженность», а план выражения (коннотативное означающее) – единство денотативного означаемого (буквального значения «подвижный придаток на задней части тела животного») и денотативного означающего (звукоряда [хвост]). Студенческий жаргон, который состоит из такого рода единиц с переносными значениями, с позиций теории знаков рассматривается как одна из коннотативных семиотик.

Коннотативные семиотики, наряду с денотативными, функционируют как коды. В этой связи необходимо уточнить соотношение понятий «знак», «знаковая система», «коннотативная семиотика» и «код». У Л. Ельмслева семиотика – это знаковая система, а семиология – наука о знаковых системах. Хотя центральным понятием семиологии считается «знак», не менее важно в ней понятие «код». Знак и код неразделимы. Знаковую систему обычно называют кодом тогда, когда она выступает в функциях генератора текстов при порождении речи и регенератора смыслов при восприятии речи. Исходя из того, что в коннотативных семиотиках знаки денотативных семиотик служат строительным материалом для вторичных знаков, Р. Барт [3] назвал их паразитарными кодами, а представители Тартуско-московской школы [16] дали им наименование вторичных моделирующих систем.

В пространстве культуры коды копируют и транслируют устойчивые системы ценностей и поведения; У. Эко назвал такие системы идеологиями в

семиологическом смысле. Конвенционализируясь, идеологии превращаются в коды [14, с. 67-69]. Культура, рассматриваемая под семиологическим углом зрения, предстаёт как многокодовая знаковая система. Наряду свербальным языком в нее входят невербальные коды, имеющие образный характер.

Сенсорный образ (согласно И.П. Павлову, единица первой сигнальной системы) обретает черты знака (единицы второй сигнальной системы), когда, по Ю.М. Лотману, «делается не равен себе» [9, с. 32] или, по А.Ф. Лосеву, «переходит в область инобытия» [7, с. 447], т.е. означает не то, чем он сам является. Так, в русском фольклоре и поэзии образы деревьев, чьи названия имеют женский род (рябина, береза, ива и др.), символизируют женщин, например: «Зеленая прическа, // Девическая грудь, // О тонкая березка, // Что загляделась в пруд?» (С.А. Есенин). Это «дендрогинный» образный код.

Образный код – это система входящих в этнокультуру, тематически однородных, устоявшихся в коммуникативной практике (кодифицированных) образов, которые выступают как символы. Роль образного кода способна исполнять всякая сенсорно воспринимаемая область реальности: ландшафт, небесные тела, природные явления, растения и животные, тело человека, артефакты (хозяйственная утварь, орудия труда, оружие, жилище, одежда и др.), а также то, что происходит с этими вещами. Всё это – языки мышления и общения. Ю.М. Лотман [6] назвал их **культурными кодами**.

Семантика и прагматика такого кода – это комплекс символически на-

груженных образов, а его синтактику можно представить в виде фрейма – общей схемы, по которой единичные образы соединяются в целостную картину. Но иногда бывает уместнее говорить не о статичном фрейме-«картине», а о динамичных «актах и сценах» фрейма-сценария.

Как известно, на вербальный язык можно перевести почти всё, что выражено на невербальных языках. Вербальный язык вбирает в себя образные коды культуры. Сменяя субстанцию плана выражения, образы из натурального модуса бытия переходят в языковой модус. Культурные коды, вербализуясь, превращаются в **лингвокультурные коды**, функционирующие в речевом общении и являющиеся словесным воплощением культурных кодов. Например, можно поклониться человеку в знак благодарности, но можно с той же целью сказать: «Низкий вам поклон!». Так невербальный знак социального символизма заменяется его вербальным эквивалентом.

Каждый носитель лингвокультуры в онтогенезе усваивает культурные коды наряду с родным языком. Они широко применяются в фольклоре и поэзии. Стихотворение представляет собой текст, созданный на основе не только словесного языка, но и одного или нескольких культурных кодов.

Например, значительная часть русской лирики XIX века создана на основе лингвокультурного кода «Природа среднерусской полосы», который передает ностальгические, патриотические, любовные чувства и выражает философию жизни. «У Тютчева природа всегда ... язык: язык внутреннего мира, изначального, бессознательно-го» [13, с. 268]. Впрочем, поэты ощу-

щали знаковость не только явлений природы, но и творений человеческих рук: «Храм упал, и руин его потомок // Языка не разгадал» (Е.А. Баратынский).

Глубоко понять поэтический текст можно лишь тогда, когда реципиент владеет не только вербальным языком, но и теми культурными кодами, которыми пользуется поэт. Приведем пример: «На песчаном белом берегу // Островка // В восточном океане // Я, не отирая влажных глаз, // С маленьким играю крабом» (И. Такубоку. Пер. В.Н. Марковой). Образ краба трогает автора до слез; у его соотечественников – японцев – этот образ в данном контексте, вероятно, тоже вызывает лирические чувства: ведь это частичка милого их сердцу образа Родины. Но ничего подобного не возникает при чтении этих строк в душах жителей среднерусской полосы. Краб для нас – диковинная тварь, норвящая цапнуть за палец, и отношение к ней у нас мало отличается от отношения, скажем, к скорпиону. Какая уж тут лирика! По-видимому, наше восприятие эмоционально-духовного содержания этой танка выходит за рамки поля виртуальных интерпретаций, заложенных в нее поэтом, и причиной тому – тонкость, сложность, непередаваемость, глубокое своеобразие непонятливой, образно-ценностной стороны культурных кодов. В немалой мере они представляют собой «вещь в себе».

В динамическом аспекте культура предстаёт как комплекс образцов предметно-практической и интеллектуально-духовной деятельности, который формируется в процессе исторического развития этноса. Эти образцы, регламентирующие поведение людей, под определенным углом зрения ви-

дятся как системы правил, которые не имеют биологически наследуемой природы, а передаются в поколениях через научение и подражание. Проводя параллель с биологической наследственностью, можно, на наш взгляд, вести речь о культурном наследии, в русле которого отдельно взятые программы поведения могут рассматриваться как «культурные гены». Природные гены образуют биогенетический код, а «культурные гены» – культурный код.

Не случайно англ. *code* означает не только «код» (знаковая система), но и «кодекс/программа» (свод правил). Код и кодекс неразделимы. Каждый код – средство регуляции человеческого поведения. По К. Марксу, «сущность человека... есть совокупность всех общественных отношений» [10, с. 3]. Эти отношения заложены в культуре и «кодируют» личность человека.

Образцы предметно-практического и ментального поведения бытуют в социуме в семиотических формах (этикет, ритуалы, социальный символизм, различные сигналы и т.д.), в том числе в словесной форме (в виде разного рода предписаний, заповедей, заветов, моральных и юридических законов, сентенций, паремий и др.). Сам вербальный язык с этих позиций предстаёт как мегапрограмма, которая регламентирует мышление и поведение через мифы, религию, этику, идеологию, право, просвещение, воспитание, пиар, рекламу и другие формы общественного сознания.

Словесные и не словесные коды взаимодействуют: культурные коды внедряются в вербальный язык, а он, в свою очередь, влияет на культурные коды. Как верно отметил К.А. Долинин [4], весьма многие, если не все

границы человеческого бытия имеют семиотический аспект; это согласуется с тезисом Ю.М. Лотмана [9] о том, что в человеческом бытии нет ничего, находящегося вне культуры. Например, говорят о культуре труда, одежды, жилища, быта, питания, тела и т.п., а где культура, там и знаковая деятельность. Стиль одежды, марка автомобиля, дизайн помещения, характер питания и т.д. – всё имеет знаковый аспект.

Осмысливать мир значит придавать человеческий смысл миру в целом и его отдельным предметам и явлениям. Но предмет или явление, имеющее смысл, есть знак. В этой связи весьма кстати оказываются строки: «Все явления – знаки, по которым // Ты вспоминаешь самого себя // И волокно за волокном собираешь // Ткань духа своего» (М.А. Волошин). Эти строки предвосхитили известный постмодернистский тезис «Мир есть текст».

По К. Марксу [11], предметы имеют натуральную и социальную формы бытия, которые срастаются в общественном процессе. В частности, в орудиях труда представлено их социальное бытие (назначение, функционирование), что дает им возможность символически опосредовать отношение человека к природе и другому человеку. Предметы становятся символами. Человеческий смысл предмета – это его социокультурное символическое инобытие. Символ выходит за первичные тематические рамки и, по А.Ф. Лосеву, репрезентирует любые области инобытия. Системы символов – это и есть культурные коды.

Внутренняя логика всякой образной сферы и ее соседство со смежными сферами определяют особенности ее символики. Например: «Символика вре-

мени года, ... связанная с философией природы идеей цикличности, символикой крестьянского труда, является удобным языком для выражения самых общих метафизических понятий ... Она ... втягивает в себя антитезы естественной деревенской и искусственной городской жизни и многие другие, являясь одним из универсальных культурных кодов» [8, с. 394].

Культурный код иерархически делится на субкоды. Эта иерархия многоступенчата. Совокупность культурных кодов с их горизонтальными и вертикальными отношениями образует образную систему культуры.

Знаки культурных кодов (образы) имеют переменную субстанцию плана выражения. Образ воплощается в разных носителях – естественных (таких, как натуральная новогодняя ёлка) или искусственных (таких, как синтетическая ёлка либо изображения ёлки на поздравительных открытках). Субстанция меняется, но форма и символика остаются неизменными.

Особый случай – **вербальное** воплощение образа, при котором план выражения имеет не только специфическую (звуковую) субстанцию, но и специфическую (словесную) форму. Если, к примеру, гипс как материал скульптуры сам по себе аморфен и представляет собой чистую субстанцию плана выражения, то вербальный знак еще до того, как стать субстратом сенсорного образа, обладает своей собственной внешней и внутренней формой. Структура образа, получая словесное воплощение, адаптируется к структуре языка, сплетается с ней и вбирает ее.

Например, весна в русской лингвокультуре персонифицирована в образе красной девицы потому, что слово

весна в русском языке – женского рода. Для английской же лингвокультуры, по наблюдениям А.В. Папшевой [12], женская персонификация весны и вообще ее антропоморфное образное воплощение гораздо менее характерны. По данным ассоциативного теста, весна у англичан ассоциируется в первую очередь со взрывом, ростом, расширением. Это объясняется, во-первых, тем, что английское слово *spring* не имеет грамматического рода, а во-вторых, тем, что значение «весна» у него производно, а исходными значениями выступают «recoil, shooting up, bursting out, rising, appearing on the surface» [16] – «распрявление, подъем, рост, разбухание, появление на поверхности», а это как раз и есть признаки весны: весной из-под земли появляются ростки, пробивается трава, на деревьях распускаются листья, набухают почки, начинается цветение. Эти признаки составляют образную основу значения «весна» у слова *spring*. Так взаимодействуют друг с другом вербальный и сенсорно-образный коды, образуя синтетический – лингвокультурный – код.

Лингвокультурный код является **моделирующей** системой потому, что в нем содержится структурная аналогия (модель) какой-либо области бытия, вскрывающая ее внутренние законы и способствующая ее осмыслению.

Лингвокультурный код является **регулирующей** системой потому, что он в той или иной мере влияет на поведение человека. Такой код способен «подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения» [2, с. 38].

Лингвокультурный код является **речепорождающей** системой потому,

что его носители мыслят в его категориях и на этой основе формируют и вербально формулируют мысль. Такие коды, вплетаясь в словесный код, участвуют в генеративном процессе. Например, русские говорят *Идет снег / дождь / град*; здесь осадки образно представлены как существа, способные ходить. Англичане же говорят *It is snowing / raining / hailing* (букв. «Оно снежит / дождит / градит»). По А.Ф. Лосеву [6], безличное местоимение или нуль-подлежащее в таких случаях передает реликтовый мифологический образ надмирной силы, производящей эти действия. Этимологически *It* («оно») – это эвфемистическая замена табуированного имени божества.

По Лотману, культурные коды представляют собой системы образов, кодифицированных в данной культуре. Несколько иначе их трактовал Барт: «Мы называем кодами ассоциативные поля, ... которые навязывают представление об определенной структуре ... Коды – определенные типы уже виденного, уже читанного, уже сделанного... Нам встретилось много этих культурных кодов: научный код; риторический код; хронологический код; социально-исторический код; код действий» [3, с. 455 – 457]. Культурный код стремится смоделировать всю действительность сквозь призму какой-либо одной образной темы: «Весь мир – театр», «Мир – ярмарка», «Мир – джунгли», «Что наша жизнь? – Игра!» и т.п.

Р. Барт указал на «банальность, незначительность» и общеизвестность деталей текста, которая «предрасполагает их к вхождению в состав кода», ибо «код – это корпус правил, настолько расхожих, что мы принимаем их за природные данности» [3, с. 457]. Од-

ним словом, культурный код по Барту – это общеизвестная тема («уже виденное / читанное / сделанное»), проходящая по страницам текста и символизирующая нечто большее, чем она сама, то есть переходящая в «область инобытия». Текст (<лат. *textus* «плетение») сплетается из культурных кодов, как ткань – из нитей.

В отличие от лотмановской трактовки, в которой делается акцент на определенной дискретности культурного кода, его расчлененности на парадигму относительно самостоятельных образных знаков, в бартовской трактовке культурный код более континуален; его трудно разбить на отдельные образы-знаки. Это скорее единый макробраз, который как целое передает общую идею. Трактовки Ю.М. Лотмана и Р. Барта – два взаимно дополняющих взгляда на культурные коды.

Итак, лингвокультурные коды – это многочисленные, пересекающиеся, пронизывающие текст, порой трудноуловимые, но реально существующие, выраженные языковыми средствами темы, мотивы, которые обладают символическим инобытием и стремятся стать всеобщими языками, то есть отобразить универсум сквозь призму какой-нибудь одной темы.

Структуралисты второй половины прошлого столетия придерживались мнения о возможности создания «кибернетической модели языка», которая сама по себе, в отрыве от социо- и культурно-семиотического контекста, сможет порождать правильную речь, если заложить в нее «достаточное, полное и эксплицитное описание всех языковых объектов и правил» [1, с. 16]. Но речь порождается на основе не только вербального кода. Подход к языку,

культуре и обществу с позиций теории знаков позволит описать их в единой системе семиологических категорий и представить порождение и восприятие речи как комплексное применение вербальных и культурных кодов. Это будет шагом вперед по сравнению с генеративистикой XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Лингвистические проблемы формального семантического анализа предложения // Структура текста-81. М.: Наука, 1981. С. 16–20.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Метафоры общественного диалога: война или согласие? М., 1991. С. 3–42.
3. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
4. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1987. 303 с.
5. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. I. Новое в лингвистике: Избранное. М.: Прогресс, 1999. С. 131–256.
6. Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 308–407.
7. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка // Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 408–452.
8. Лотман Ю.М. Две Осени // Лотман и Тартуско-Московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 394–406.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Сочинения. 2-е изд. Том 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1–4.
11. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинения. 2-е изд. Том 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 1–167.
12. Папшева А.В. Структурно-семантические характеристики английского лингвокультурного кода «Природа»: дис. ...к. филол. наук. Самара, 2010. 178 с.
13. Ханзен-Лёве А. Мифопоэтический символизм. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
14. Эко У. Отсутствующая структура. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
15. Collins English Dictionary. London, Glasgow: Collins and Sons, 2006. 946 с.
16. Σημειωτική. Труды по знаковым системам // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. 1-43. Тарту: изд-во ТГУ, 1964 – 2015.

REFERENCES:

1. Apresyan YU.D. Lingvisticheskie problem formal'nogo semanticheskogo analiza predlozheniya [Linguistic problem the formal semantic analysis of the sentence] // Struktura teksta-81 [Text structure-81]. M., Nauka, 1981. pp. 16–20.
2. Baranov A.N., Karaulov YU.N. Metaforы obshchestvennogo dialoga: voina ili soglasie? [Metaphors of social dialogue: war or agreement?]. M., 1991. pp. 3–42.
3. Bart R. Izbrannye trudy. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. M., Progress, 1994. 616 p.
4. Dolinin K.A. Stilistika frantsuzskogo yazyka [Stylistics of the French language]. L., Prosvshchenie, 1987. 303 p.
5. El'mslev L. Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomena to a theory of language] // Zarubezhnaya lingvistika. I. Novoe v lingvistike: Izbrannoe [Foreign linguistics. I. New in linguistics: selected works]. M., Progress, 1999. pp. 131–256.

6. Losev A.F. O tipakh grammaticheskogo predlozheniya v svyazi s istoriei myshleniya [About the types of grammatical sentences in connection with the history of thinking] // *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. M., Izd-vo MGU, 1982. pp. 308–407.
7. Losev A.F. Problema variativnogo funktsionirovaniya poeticheskogo yazyka [The problem of variability in the functioning of poetic language] // *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. M., Izd-vo MGU, 1982. pp. 408–452.
8. Lotman YU.M. Dve Oseni [Two Autumns] // Lotman i Tartusko-Moskovskaya semioticheskaya shkola [Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. M., Gnozis, 1994. pp. 394–406.
9. Lotman YU.M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text] // *Ob iskusstve* [About art]. M., SPb., 1998. pp. 14–285.
10. Marks K., Engels F. Tezisy o Feierbakhe [Theses on Feuerbach] // *Sochineniya. 2-e izd. Tom 3* [Works. 2nd ed. Vol. 3]. M., Gospolitizdat, 1955. pp. 1–4.
11. Marks K., Engels F. K kritike politicheskoi ekonomii [A critique of political economy] // *Sochineniya. 2-e izd. Tom 13* [Works. 2nd ed. Vol. 13]. M., Gospolitizdat, 1959. pp. 1–167.
12. Papsheva A.V. Strukturno-semanticheskie kharakteristiki angliiskogo lingvokul'turnogo koda «Priroda»: dis. ... k. filol. nauk. [Structural-semantic characteristics of the English linguocultural code "Nature": PhD thesis of Philology]. Samara, 2010. 178 p.
13. KHanzen-Leve A. Mifopoeticheskii simvolizm [Mythopoetic symbolism]. SPb., Akademicheskii proekt, 2003. 816 p.
14. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura [Lacking structure]. SPb., Petropolis, 1998. 432 p.
15. Collins English Dictionary. London, Glasgow, Collins and Sons, 2006. 946 p.
17. Σημειωτική. Trudy po znakovym sistemam [Σημειωτική. Works on semiotic systems] // *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific notes of Tartu state University]. Vol. 1-43. Tartu, Izd-vo TGU, 1964–2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савицкий Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Поволжской государственной социально-гуманитарной академии;
e-mail: lampasha90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savitsky Vladimir M. – PhD of Philology, Professor, Professor at the chair of English Philology and Cross-cultural Communication of Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities;
e-mail: lampasha90@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Савицкий В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. С. 55–62.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Savitsky The concept of linguocultural codes: a rationale the theoretical substantiation of the concept of linguocultural codes // *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics.* 2016. no.2. pp. 55–62.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62